

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Патриот - враг трудового народа

Хуан Армада

2008

Изначальные истоки доктрин национализма сводятся к двум основным моделям – либеральной и натуралистической. Первая восходит к течениям, представленным Гоббсом, Локком, Монтескье и Руссо, кульминацией которых стала Французская революция.

Эта доктрина формулирует идею нации как противоположности политической власти абсолютной монархии. Требование политической роли для Третьего сословия, а точнее, для буржуазии, несло на себе печать концепции нации как «тела, состоящего из членов, которые живут по общему закону и представлены одним и тем же законодательным органом» (Сийес). В этом определении содержится вся либеральная и революционная нагрузка этой новой концепции нации: только перестав быть подданными и превратившись граждан, все смогут сформировать общий для всех законодательный орган, рожденный из политической воли граждан. Мы имеем дело с либеральной, рационалистической, утилитаристской, индивидуалисти-

Хуан Армада
Патриот - враг трудового народа
2008

Скопировано 19 ноября 2014 года с
<http://aitrus.info/node/139>
“*cnt*”, No.350. *Noviembre* 2008.

ru.theanarchistlibrary.org

ческой и, прежде всего, юридической концепцией нации. Согласно этой концепции, Испания является нацией.

Натуралистическое течение национализма основывается на идее культурной общности. Эта аргументация была развита в основном двумя немецкими философами: Гердером и Фихте. Это националистическое течение возникло в определенный историко-политический момент как реакция на идеи Просвещения и позитивизма, которые питали все социалистические школы 19 века (включая и анархизм). Просветительским идеям, основанным на космополитизме, рационализме и, прежде всего, на концепции, что каждый человек – это самоцель, а не средство, на том, что мы можем назвать «человеческим достоинством», эти романтические течения противопоставляли натуралистическую концепцию нации. В ней народ рассматривается как метафизическая сущность, стоящая над отдельными людьми, определяемая общей культурой, языком, историей, религией и обычаями. Проявлением всего этого служит «Volksgeist» («дух народа»), от которого индивид не может отказаться и которому он обязан подчинить себя.

К такому натуралистическому видению нации Гердером и Фихте, в условиях оккупации Германии Наполеоном, прибавилась необходимость построить политическую организацию, государство. Оно должно было развивать эту идентичность и противопоставить ее всем другим государствам-нациям. Такова идеология, придающая форму всем сегодняшним идеологиям твердолобого национализма. Согласно этой концепции, Испания – это государство, абсорбирующее различные нации.

Как в процессах создания национальных чувств в консолидировавшихся государствах, так и в националистических движениях, которые только надеются на обретение их сообществом своего государства, можно обнаружить

дикально противоположны либертарному делу. Не говоря уже о том, что они совершенно ложны и по-детски несерьезны. Что изображают эти идентичности? Что в них позитивного? Да существуют ли они вообще, на самом деле?

Вступая в языковую войну на стороне «централистов» или «периферийников», мы вступаем в войну воображаемых территориальных идентичностей. Так нас поглощает политический идеал, не имеющий ничего общего с нашей либертарной идентичностью, на вершине которой стоит человеческое достоинство, а не территория, исторически очерченная ее правителями (или такая, которую желают очертить). Если сегодня в Галисии, Стране басков или Каталонии говорят на двух языках, то это не имеет большого значения для подавляющего большинства людей, живущих бок о бок друг с другом. А тот, кто хочет внести этот вопрос в либертарное движение – тот стремится совсем к другим вещам, что бы он там ни говорил...

Моя семья – все человечество, а моя родина – весь мир... Это не романтическая фраза, это программа будущего. И я не собираюсь пятиться назад, чтобы отыскивать в прошлом мнимый золотой век утраченной чистоты, о котором говорил, но в который сам не верил Жан-Жак Руссо.

либертарного движения, неспособного собрать культурный багаж, умение и ценности, оставленные нам нашими товарищами.

Анархист прошлого счел бы глупостью уловки анархо-индепендентистов (сторонников независимости народов или территорий, – прим. перевод.) или ситуацию, если CNT в одном регионе повела бы кампанию в пользу того или иного языка, борясь с другим, подчеркивая мнимую воображаемую границу, требуя территории и возмещения мнимых исторических обид.

Разве нам следует обращать внимание на этот конфликт между централистскими и периферийными хамами, становясь на сторону тех или других? Фрейдовскому конфликту, выдвигаемому национализмом, нет места в либертарном движении. Если в Галисии, Стране басков и Каталонии сегодня говорят в большинстве своем на двух языках, мы не должны требовать, чтобы разговаривали только на одном, или отказываться в нашей пропаганде от использования одного из двух, опираясь на мнимые историко-территориальные права. Ведь анархисты ведут речь об идеале в сфере этики, свободы, позитивных прав и обязанностей человека, о том сегодняшнем, что может быть перенесено в новое будущее общество, – а не об идеале, закрепленном в повиновении и восторгах по поводу традиций и устаревшего фольклора, по поводу языков, «образующих родину». Анархизм не поощряет национальную гордость – он продвигает вперед новое, поистине человеческое сообщество, являющееся носителем новых ценностей.

Мы, люди, – не инструменты на службе у кого-либо или чего-либо, навязанного нам, высшего по отношению к нам и не подвластного нашим решениям, нашей сегодняшней реальности (именно из нее растут наши корни). Разговоры о чистых, сталкивающихся с незапамятных времен культурных идентичностях, коими нам следует гордиться, ра-

некоторые общие черты: 1) человечество от природы было разделено на нации; 2) каждая нация обладает своим особым характером; 3) нация – это основа любой политической власти; 4) люди должны отождествлять себя с той или нацией, чтобы обладать свободой и самореализоваться; 5) нации могут реализовать себя лишь в своих собственных государствах; 6) верность нации стоит прежде всех иных обязательств; 7) главным условием свободы и гармонии в мире является укрепление нации и национальной культуры. Все эти положения не обладают ни малейшей строгой научностью, поскольку факты свидетельствуют совсем о противоположном. Именно поэтому I Интернационал справедливо определял национализм как религию современного государства.

Для развития этого чувства культурной и территориальной идентичности националисты прибегают к использованию в качестве инструмента такой вещи, как язык. Таким образом они отделяют друг от друга, сталкивают друг с другом и проталкивают однородные и противоположные территориальные идентичности. Все школы социализма, имевшиеся в I Интернационале, старались пропагандировать нечто обратное, основываясь на ином понимании человека: существует одна-единственная человеческая природа, разделенная затем на классы и касты, на господ и рабов, и дезорганизованная в государствах.

С анархистской точки зрения, никакая либертарная организация не может поощрять использование языка для упомянутых целей. Ни CNT, ни какая-либо другая либертарная организация никогда не считала и не считает своей задачей бороться с кастильским языком в Галисии, Стране басков или Каталонии. Ведь анархизм развивает совсем иные признаки идентичности, противоположные национализму.

Анархизм не ставит перед собой цель горячо восхвалять традиционные ценности, языки, территории и культуры, якобы унаследованные от предков. А националисты как раз и превозносят якобы чистые и унаследованные от предков идентичности, чтобы обосновать политическую структуру на территории, которой они в будущем рассчитывают управлять.

В свое время анархисты взяли на вооружение эсперанто, чтобы сделать из языка всего лишь средство общения, а не инструмент для делания политики. И CNT, когда она была сильна, не участвовала в языковых кампаниях, целью которых было «создание родины». Вот почему анархисты, издавна и до сего времени, не имели ни малейшего отношения к этим глупостям.

С точки зрения биологии, человеческий род как общность есть сам по себе идентичность. Ведь даже если из всех людей выживет только какое-нибудь одно африканское племя, скажем, кикуйу, человеческий генетический материал будет сохранен практически на 100%. С точки зрения прав, никто не имеет большего или меньшего права родиться в том или ином месте, быть той или иной расы, пола или говорить на том или ином языке. С точки зрения культуры, с незапамятных времен не существует культурно однородных или чистых территорий и языков, поскольку эндогамия, к счастью, исчезла со времен Марко Поло. Более того, эти культурные признаки национальной идентичности есть составная часть контроля и социального разделения, организованного в государство, – того, с чем ведет борьбу анархизм. Вот почему анархизм – сторонник социальной справедливости и культурного прогресса, а не увековечения традиций и границ.

Языки, традиции, обычаи, территории и т.д. не имеют права на людей. Наоборот, мы, люди, властны над языками, обычаями, территориями и т.д., с тем чтобы изменять

их, ликвидировать их или заново определять свои отношения с ними... Как это уже происходило на протяжении человеческой истории и как это делало либертарное движение, поддерживая международный язык и создавая в вольной коммуне (а не в провинции, регионе или стране и т.д.) территорию, на которой мы можем осуществлять общественное самоуправление нашей жизнью на основе прямой демократии. Ведь именно на этой территории мы живем и вступаем в отношения с другими людьми. Цель федераций производителей будущего свободного общества состоит отнюдь не в том, чтобы предложить новое издание границ, знамен, языков или национальных идентичностей, а в том, чтобы обеспечить развитие и координацию экономики этих свободных общин, пользующихся широкой автономией.

Более того: анархизм – сам по себе культура! Исходя из просветительских и позитивистских идей, анархисты 19-го века разработали форму жизни и общественную программу будущего, программу прогресса.

Прогресс, достигнутый в конце 19-го века в науках о здоровье людей и в естественных науках, в инженерном деле, градостроительстве, науках об образовании и в других общественных науках, соединился с либертарной философией, дав жизнь новым формам отношений между людьми, жизни, чувств и мышления. Питание, гигиена и здравоохранение, нудизм, эсперанто, семья, рациональная школа, природа, город-сад и т.д., – все это составляло ныне забытую либертарную культуру, которая не погрязла в традициях, религиях и исторических обычаях, не имеющих в себе ничего революционного или народного.

Бездарность сегодняшних активистов и приход оппортунистов в движение, ослабевшее уже с середины 20-го века, ответственны за многие сказанные и все еще говоримые глупости. Они ответственны за патетическую картину